

И здесь, никак не умаляя роли режиссера в документальном кинематографе, хочется подчеркнуть особую роль кинооператора и в связи с этим высказать некоторые суждения об операторском мастерстве.

При создании художественного фильма даже самый квалифицированный оператор почти никогда не ведет кино съемку без участия режиссера. При документальных кино съемках (особенно событий) оператор, как правило, работает самостоятельно. Оператор хроникера должен без посторонней помощи отобрать в обильном жизненном материале главное и выразительно зафиксировать это на пленку. Если при этом оператор по-настоящему проникся замыслом, идеей фильма и творчески, а не ремесленно применил операторские средства, результат будет интересным.

Оператор-хроникер, самостоятельно принимая творческие решения, в какой-то мере должен обладать не только операторским, но и режиссерским «видением материала».

Известно, что оператор-документалист обязан вести съемку в любых условиях, умело применяясь к времени года, дня, погоде, освещению. Иногда говорят, что эти особенности как бы освобождают оператора-хроникера от художественного использования естественного и искусственного света, определения наиболее выразительной точки зрения аппарата, интересного композиционного построения кадра. Это глубоко заблуждение. Конечно, оператор-хроникер не может так же тщательно и продуманно «строить» кадр, как его соратники по профессии при съемке художественного фильма. Но все основные компоненты операторского искусства должны присутствовать в документальных фильмах. Об этом приходится говорить потому, что за последнее время мы, к сожалению, снизили требования к операторскому мастерству в документальных фильмах.

МУЗЕЙ К. МА

В одном из залов Музея

7 МАЯ в Москве состоялось торжественное открытие экспозиции Музея Карла и Фридриха Энгельса — первого в нашей стране зала великих основоположников коммунизма. Являясь составной частью Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Музей Маркса и Фридриха Энгельса ставит основной задачей широкое освещение жизни и деятельности, раскрытие и пропаганда их бессмертного учения, показ конкретных примерах жизненной силы и динамики марксизма-ленинизма и осущ

еств в современную эпоху их идей в практическом строительстве в СССР и других странах народного хозяйства, в ходе международного рабочего движения, в борьбе за национально-освободительное движение.

На торжестве открытия, совпавшем с годовщиной со дня рождения Карла Маркса, присутствовали представители трудящихся из различных стран.

(Окончание.
Начало на 2-й стр.)

ся в вашей памяти живым, счастливым и радостным — разумею, жизнеутверждающая мысль. И вдруг... за этим следует эпилог, в котором делается все, чтобы мы унесли с собой не образ «вечного живого» Алексея Бережного, а какую-то жанровую картинку из жизни его ослепотевших родителей.

«Под занавес», наспех рассказывают нам о росте сибирских городов, намекают на дружбу пионеров с пионерками, хвалятся личными успехами... А уж когда героиня обращается в зрительный зал с просьбой простить ее за то, что она вышла замуж за человека, похожого на Бережного, становится просто неловко. И кажется, что автор на словесных пуантах решил наполегливо пробежаться еще по ряду тем и темочек, чтобы мы, сохранив бог, не подумали, что он чего-нибудь «недосмотрел».

Как известно, пьеса во многом определяет спектакль, а в данном случае, когда автор и постановщик — одно лицо, эта взаимосвязь приобретает особое значение. К сожалению, Евгений Симонов-режиссер, которого мы знаем как талантливого и уже опытного мастера, не всегда приходит на помощь Симонову-драматургу, а в ряде случаев даже усугубляет авторские просчеты.

И если спектакль смотрится, если в зале волнуются и даже иногда плачут, это происходит не за счет высоких художественных достоинств пьесы, а скорее вопреки ее недостаткам. Это волнение — результат единства отношения к фактам, о которых упоминается в пьесе, единства мировоззрения, которое объединяет автора, исполнителей с теми, кто находится в зрительном зале.

Разве у вас не сжимается сердце, когда в каком-нибудь из номеров «Красной Звезды» вы узнаете подробности героической смерти незнакомого вам бойца? И не становится ли вам грустно, когда одинокая пенсионерка поведает вам о гибели своего единственного сына в одном из немецких концлагерей? Однако ни газетная статья, ни рассказ о неслыханной истории — еще не произведение искусства. Они могут стать таковыми, творчески осмысленными художником, который, выразив свое отношение к данным фактам, путем художественного обобщения создаст «типические характеры в типических обстоятельствах». И в этом смысле поэма Евгения Симонова не стала подлинным произведением искусства.

И если во время действия раздаются аплодисменты, они прежде всего адресованы художнику (Е. Гранат). Именно талантливое оформление придает спектаклю ту

РАССКАЗЫВАЮТ ОБ АЛЕКСЕЕ БЕРЕЖНОМ

героическую и романтическую приподнятость, которой не хватает пьесе. Аплодируют и артистам, которые своим чувством наполняют лирические поэтические ароматы стихов. Зрители подчас поддаются не обаянию поэтического образа, не глубине мысли, а стихотворному ритму, насыщенному страстным гражданским чувством и эмоциональностью исполнителя... Так «на одном дыхании» произносит Л. Пашкова (Мать) прощальный монолог в первом акте, прикрыв этот несколько формальный актерский прием такой силой темперамента, что зритель не успевает почувствовать слабость стихов.

Это же относится к стихотворным монологам Бережного. В этой роли я не один раз видел артиста Шалевича, и он, как и многие другие исполнители, от спектакля к спектаклю играет интереснее и убедительнее.

С большим удовольствием смотрю на артистку И. Вуину в роли Кати. Ее Катя как бы создает вокруг себя «зону молодости и чистоты» — такая она искренняя, милая и юная. Рисунок роли у Гущенко (Валя) очень строгий и точный как внутренне, так и внешне. Основным в жизни Вали становится ее любовь к Алексею — она, как весеннее половодье, смы-

кает с ее души всю горечь и тяжесть пережитого. И эта любовь у Вали — настоящая, одна-единственная на всю жизнь. И проносит эту любовь артистка через весь спектакль... до эпилога, но эпилог — это уже не ее вилы.

Очень интересно играет белогвардейца Алешку Ю. Любимов. Остается у нас в памяти и Юра-физик, хотя специально об этом нас автор и не просил, и убили Юру значительно раньше, чем Алексея, и на наших глазах. С хорошим человеком познакомил нас артист А. Кацынский, очень хорошим, несмотря на его, как принято говорить, «слабости и заблуждения».

Следует сказать, что после работы художника актерские удаchi — главное достоинство спектакля и видимый результат режиссерского труда.

— Так чего же вы, собственно, хотите, — могут спросить читатели, — играют хорошо, художник отличный, артисты волнуются...

Немногого: чтобы на сценических площадках таких театров, как Театр имени Евг. Вахтангова, появлялись произведения, совершенные во всех отношениях, в том числе (и не в последнюю очередь) с точки зрения драматургии.

Н. РУМЯНЦЕВА.